

В поисках «второго» зимовника

LV

«Нарешті, десь у 1500 р. виник запорізький зимівник Домаха. Цю дату і слід вважати часом заснування м. Жданова, оскільки розвиток нового населеного пункту вже не припинявся.»¹

А.М.Чорногор

В своих поисках по ранней истории Мариупольщины автор статьи никак не мог пройти мимо утверждения многих предшествующих авторов о том, что где-то в конце XV – начале XVI века (назывались разные даты в промежутке 1485 - 1530 годов) при устье Кальмиуса появился запорожский зимовник Домаха, который, по их мнению, и положил начало непрерывному присутствию запорожских казаков в Северном Приазовье вплоть разгона Сечи Екатериной II в 1775 году. В результате углубления в данную тему автору статьи удалось установить, что мнение о местном зимовнике восходит к единственному источнику – к универсалу, которым польский король Стефан Баторий в 1577 году (варианты - в 1575 или 1576) закрепил за Войском Запорожским его земли и который был позже подтвержден в 1655 году Богданом Хмельницким (далее по тексту данный документ будет кратко обозначаться как УБХ). Данный документ часть украинских ученых (в том числе и сам Д.И. Яворницкий) считает фальсификатом, составленным кем-то из запорожской верхушки примерно в середине 1750-х годов для решения стоявших тогда перед ними некоторых территориальных проблем. Ну а другая часть украинских историков (и массы примкнувших к ним краеведов) и к самому Универсалу, и к его сведениям о зимовниках относятся с полным доверием. Например:

"<...> Перші документальні згадки про зимівники належать до жалуваної грамоти від 20 серпня 1576 року польського короля Стефана Баторія, <...> Ляскоронський помер у 1531 році, а перший свій похід на татар він організував у 1518 році. До того ж, в документі говориться про зимівники як про щось цілком стале і зрозуміле. Без будь-яких додаткових пояснень, що само по собі свідчить про вже досить тривале його існування. Добре видно, що запорожці мали свої зимівники від Самари до Дону вже в XV ст. <...>"².

Мы не будем разбираться с проблемой подлинности УБХ, это выходит далеко за рамки данной статьи. Тем более, что этому и так посвящена обширная литература. Пожалуй, на сегодняшний день наиболее полный и подробный разбор этой темы содержится в великолепной работе Н.Жарких³, интересующихся отправляем к ней. А автора статьи в сентябре 2007 года заинтересовал немного другой - простой и вполне логичный - вопрос: «Если **первое** упоминание слова «зимовник» для обозначения запорожского хутора содержится в Универсале Батория для времен Лянцкоронского (причем сразу в виде всем понятного и не требующего дополнительных пояснений слова), то когда в источниках фиксируется **ВТОРОЕ** упоминание этого же слова в таком значении? Через какой промежуток времени?». Согласитесь, что это вполне законный и правильный вопрос. К сожалению, на тот момент автору статьи найти ответ на него так и не удалось. Но интерес к нему и зарубка в памяти остались.

Также за рамками данной статьи будет оставлено то, что появление казацкого зимовника в устье Кальмиуса в XV или XVI веках было бы сильно осложнено тем, что в то время прибрежная зона Северного Приазовья активно использовалась местными кочевниками для зимовки своих стад, и что здесь проходил стратегический для татар шлях между Перекопом и Азовом. И что само слово «запорожцы» появится на много десятилетий позже. И что запорожских зимовников с собственным названием-ойконимом (не по имени текущего владельца) История не знает. И что в самом тексте УБХ названия Домаха и Кальмиус не упоминается вовсе (sic!). Да, в общем, много чего оставим за скобками ради краткости статьи...

Через три года в руки автора статьи попала изданная в 2005 году книга Александра Олійника «Запорожский зимовник времен Новой Сечи (1734-1775)». Как выяснилось, невзирая на название книги, ее автор не ограничился только временами Новой Сечи, но и попытался проследить вглубь веков весь процесс возникновения такого явления как запорожский зимовник, для чего использовал массу источников. Как сообщается в предисловии к данной книге, написанном зав. кафедрой истории Украины ЗГУ, доктором исторических наук С.Р.Ляхом: «Необхідно відзначити достатньо високий науковий рівень здійсненого О.Л.Олійником дослідження. Автор ретельно зібрав наявні документи і матеріали, які містять хоч найменшу частку інформації про козацький зимівник - актові документи і наративи, картографічні матеріали, плани, описи»⁴. Не верить столь комплиментарному отзыву не было никаких

¹ А.М.Чорногор. До історії заснування міста Жданова // УІЖ (Український історичний журнал). 1971, №4, с.91-96

² Олійник О. Зимівник в колонізаційних процесах Південної України http://www.cossackdom.com/articles/o/olinik_zkoloniz.htm

³ Жарких М. Сфальшований універсал Баторія – Хмельницького <https://www.m-zharkikh.name/uk/History/Monographs/Terextemyriv/FalseChart.html>

⁴ Олійник О.Л. Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734-1775). – Запоріжжя: Дике Поле, 2005, с.3

оснований, так що автор статті приступив к внімательному изучению данної книги на предмет поїска в неї отвѣта на свої давній вѡпрос.

Вот как описує Олійник своє видєннє процесу воникновєннє запорожских зимовників: «Колонізація Південної України українським етносом зумовила гостру необхідність в якихось базових осередках для ватаг промисловиків. Ними і стають так звані коші, де взимку перебувала частина ватаги або артіль промисловців на чолі зі своїм обраним ватагом-батьком. Ці опорні бази-коші власне і були першими зимівниками. На їх основі формувалися курені, а їх федерація пізніше об'єдналася в Січі <...>»⁵. По єго мнєннє, эти первоначальні «коші» появились первоначально в лесостепи и были временными сезонными станами українских рыбаков и охотников. Начало их появления автор книги относит еще к XV веку⁶, правда свои предположения он обосновывает не столько ссылками на первоисточники, сколько «деякими логічними міркуваннями».

Основным доказательством раннего существования запорожских зимовников Олійник, естественно, считает данные Универсала Батория/Хмельницкого, к которому он неоднократно и обращается в своей книге. Его мысли по поводу Универсала мало отличаются по смыслу от процитированного в начале статьи фрагмента из более ранней работы этого же автора, повторяются по нему мы не будем. Условно будем считать это **первым свидетельством** о зимовниках. А что есть кроме него?

В результате вдумчивой и тщательной проработки данной 265-страничной книги автору статьи по периоду до 1734 года (т.е. до образования Новой Сечи) удалось найти в ней помимо УБХ еще некоторое количество сообщений о казацких зимовниках со ссылками на первоисточники. Ниже мы их **все** приведем и (частично) рассмотрим поближе.

Второе свидетельство.

«<...> В усякому разі, в першому відомому описі такого козацького стану, поданому в 1575 році польським хроністом Мартином Бельським, козаків зображено саме як сезонних промисловиків, що займалися ловлею та заготівлею риби. А їх осередки на низу Дніпра названо «кошами».⁷

Ссылка на: Kronika Marcina Bielskiego.- Sanok, 1856. – S.1358

Так как даже по словам самого Олійника слово «зимовник» здесь не использовалось, то данное свидетельство оставим без рассмотрения. Единственно, непонятно, почему у Олійника слово кош употреблено во множественном числе? С источником это не согласуется.

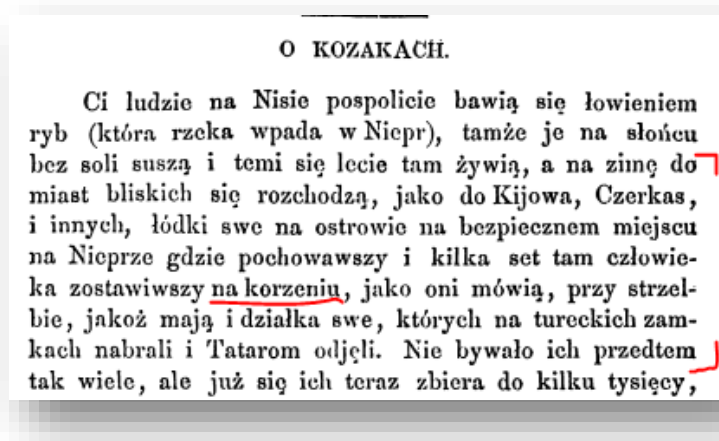

Рис.1. Соответствующий фрагмент Хроники Мартина Бельского из издания 1856 года (книга 6, с.1358).

Третье свидетельство.

«<...> Хоча в листі австрійському цїсарю Рудольфу II запорожці писали, що в змозі виставити «... 6 тисяч чоловік старих козаків, людей відбірних, не рахуючи хуторян (Land tvolk), які мешкали десь на кордоні». З листа може скластися враження про чіткий розподіл в козацькому середовищі на воїнів і хуторян».⁸

⁵ Там же, с.7

⁶ Там же, с.37

⁷ Там же, с.37-38

⁸ Там же, с.45

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.49

«На кордонах Вольностей зимівники виконували роль прикордонних форпостів. Це мав на увазі Еріх Лясота, коли згадував про хуторян на кордонах . <...>»⁹

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.49

«<...> Повідомлення Еріха Лясоти свідчило про розмежування між власне січовиками – воїнами професіоналами і зимівчанами – господарями, котрі жили десь на кордонах і лише номінально були підпорядковані січовій адміністрації. <...>»¹⁰

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.43

«<...> Намагання певної частини зимівчан жити на кордонах спостерігалось ще з часів Лясоти. У своєму листі до австрійського цесаря Рудольфа II від 3 липня 1594 року запорожці згадували про хуторян, що живуть на кордонах. А тому слід обережно ставитися до ствердження В.Степового, що над татарським кордоном зимівників було мало. <...>»¹¹

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.49

Здесь речь идет о данных австрийского дипломата Эриха Ляссоты, который по заданию своего императора Рудольфа II, хотевшего нанять запорожцев в свою службу, осуществил в 1594 году дипломатическую миссию к ним. О своем путешествии Ляссота оставил довольно обстоятельные записки. Слово «зимовник» в них, кстати, отсутствует. Заинтересовавшая Олийныка информация о хуторянах содержится в ответном письме запорожцев к австрийскому императору по поводу условий найма. Так, казаки писали:

«<...> Просим также В.И.В. [Ваше императорское величество] обратиться с грамотою к его королевскому величеству и к чинам польского королевства о том, чтобы каждый казак, на основании охранной их грамоты, мог свободно и беспрепятственно выступить в поход, выходить из их страны и возвращаться на родину. Доводим также до сведения В.И.В., что количество нашего запорожского войска достигает шести тысяч человек старых, отборных казаков, не считая хуторян, проживающих на границах <...>»¹².

Автору статьи не удалось добраться до книги В.Степового (Бедного) «Запорожський зимівник» (1916), с которым здесь несколько полемизирует Олийнык. Но, судя по контексту, можно осторожно предположить, что дореволюционный автор писал о малом количестве зимовников в районе границы с татарами применительно к периоду Новой Сечи, когда такое соседство действительно неоднократно фиксируется в документах. А Олийнык сравнивает это с ситуацией конца XVI века, что совсем не корректно.

Здесь, кстати, можно попутно заметить про анекдотичность мнения Олийныка о татарских «кишенях» вдоль реки Конки как о признаке тесных хозяйственных связей во времена Новой Сечи между татарами и находящимися с другой стороны реки от них запорожскими зимовниками¹³. Как и о наличии на карте середины XVIII в. обозначений «мечетей» на Конке и Московке как о свидетельстве «про толерантне ставлення запорожців щодо інших релігій»¹⁴. Уважаемый автор книги явно не в курсе, что это все были остатки мечетей и погребальных сооружений («кэшэнэ» - мавзолеев над могилой у мусульман) золотоордынского периода. Остатки этих сооружений на Конке между устьем притока Жеребца и городом Ореховом были хорошо заметны еще в середине XVIII века и отражены в **многочисленных** документах. Рисунок одного из таких кэшэнэ представляем ниже.

⁹ Там же, с.103

¹⁰ Там же, с.149

¹¹ Там же, с.163

¹² Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева. Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI ст.). Киев. 1890

¹³ Олийнык, с.115-116, 162

¹⁴ Там же, с.211-212

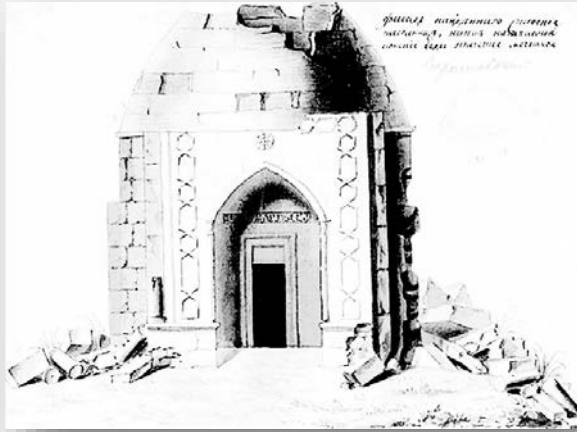

Рис.2. Зарисовка 1769 года одного из мавзолеев на Конке (фрагмент)¹⁵.

Как явствует из тех же записок Ляссоты (да и из реалий тогдашней обстановки), упомянутые хутора располагались не по «татарско-запорожской границе», как, похоже, думает Олійник, а по южному польскому приграничью. То есть, не в пределах Запорожских Вольностей, а еще на территории Польской Украины. Так, на обратном пути Ляссота проезжает четыре хутора между Черкасами и Белой Церковью (12 и 13 июля). Два хутора каневских, один ржищевский и последний – белоцерковский. Более в данном тексте ни хутора, ни хуторяне не упоминаются.

Об этом же говорит и фрагмент сообщения Ляссоты, где он разбирает неправдивость сведений о запорожцах, данных еще на этапе организации посольства авантюристом Станиславом Хлопицким. *«В-третьих, он утверждал, что число казаков простиралось от 8 до 10 тысяч, что также не верно, ибо спустившись к ним, я застал всего около трех тысяч человек. Правда, они могут, при желанье, собрать еще несколько тысяч войска, если призовут к оружию всех тех казаков, приписанных к запорожской общине, которые проживают в различных городах и селах [Выделение автора статьи - LV]»*. А как много запорожских городов и сел было в то время в Степи? ☺

То есть, «тылы» запорожцев вместе с их хуторами и городом Трахтемировым (Ляссота: *«В Терехтемиров, недавно основанный городок, пожертвованный королем Стефаном запорожским казакам на содержание больницы»*) находились на контролируемой польскими приграничными старостами территории. И понятно, что естественный отбор в этих лежащих рядом со Степью районах растил в таких хуторах не огородников, а воинов. Которые тоже числились запорожцами и при удобном случае с удовольствием меняли скучное ведение домашнего хозяйства на военную вылазку за добычей. Об этом же, по-видимому, говорит и просьба казаков к австрийцам получить официальное разрешение от польских властей «чтобы каждый казак, на основании охранной их грамоты, мог свободно и беспрепятственно выступать в поход, выходить из их страны и возвращаться на родину». Эта просьба представляла интерес не столько для «сичевиков», сколько для «хуторян». Территория Низа польским правительством тогда никак не контролировалась, и при сильном желании сичевики могли уйти к цесарю и напрямую через Степь. А вот хуторянам в этом плане было сложнее. В случае их несогласованного ухода на цесарскую службу, им в этом могли бы препятствовать местные старосты. Или же могли создать большие проблемы при возвращении казаков в свои хутора.

Так что и у Ляссоты мы не видим ни слова «зимовник», ни прямого свидетельства о выходе казачьих «хуторов» за пределы Польской территории, в Степь. Возможно, это сообщение и имеет какое-то косвенное отношение к теме генезиса позднейших зимовников, но явно не по той схеме, которую рассматривает Олійник...

Четвертое свидетельство.

«Інший польський хроніст Маркіян Пашковський більш детально описав життя козаків у зимівниках на початку XVII століття. Він зазначив, що в них зберігалися різні необхідні для промислів речі та оброблялася здобич. М. Пашковський змалював зимівник як базу відпочинку і господарський осередок². Та й сама назва житла запорожців, в основі якої лежить слово «зимувати» [выделение автора книги - LV], красномовно свідчить про витоки й призначення цього осередку і явища, ним викликаного»¹⁶

¹⁵ Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг.: сборник документов. – Запорожье: Кругозор, 2016, с.435

¹⁶ Олійник, с.38

Проверим эту информацию. Из указанных страниц работы Шевчука интересующая нас информация содержится на с.104:

«Описується козацтво і в книжці Мартина Пашковського “Дії турецькі і змагання козацькі з татарами”, що вийшла в Кракові 1615 р. З вартих уваги деталей козацького устрою відзначимо опис оборонних заходів щодо татарських нападів, зокрема використання свідчень полонян, котрі звільнилися з неволі: йдеться про систему доріг (маяків) та козацьких охоронних знаків³, описуються морські походи козаків та змагання з татарами (с. 162–164). Цікаві дані подає М. Пашковський і про організацію життя козаків: відпочинок взимку у зимовниках, де зберігаються речі, здобичі, коні; літування (с. 165–166)...»¹⁷.

Здесь, действительно, Шевчук пишет про «отдых зимой в зимовниках», что вполне удовлетворило автора книги в его поисках упоминаний слова «зимовники» в ранних источниках, глубже он копать уже не стал. Ну а мы (благодаря любезной помощи уважаемой Г.) продолжим идти по этой цепочке дальше, до самого конца.

В приведенном выше фрагменте работы В.Шевчука приводится ссылка на другую его книгу: *Марсове поле: Кн. I: Героїчна поезія на Україні X — першої половини XVII століть— К., 1988*. По XVI–XVII вв. эта книга содержит переводы самого В.Шевчука из малоизвестных и неизвестных текстов польских авторов, имеющих отношение к событиям на Украине. На страницах 165-166 приводится перевод одной из главок обширного стихотворного рассказа М.Пашковского о приключениях Кимиковского, которая озаглавлена так: «Где казаки летом, а где зимой живут» (см. рис.3 б). Сравнение современного перевода на украинский язык с текстом оригинала 1615 года (рис.3 а), даже при очень слабом знакомстве автора статьи с польским языком, показывает, что Шевчук (пытаясь выдержать в своем переводе стихотворную форму) не совсем верно перевел отдельные пассажи, из-за чего их смысл несколько изменился, а кое-где добавил и «отсебятину». Но, в целом, общий смысл стихотворения более-менее выдержан. Оно, действительно, рассказывает (пусть и не совсем так как перевел Шевчук) о летнем и зимнем пребывании низовых казаков. Но вот слово «зимовник» в нем точно не звучит! Так что, как именно хранили на Томаковке запорожцы «*dobytki swoie i kopie*» (слово «речі/вещи» здесь, кстати, в оригинале нет) – науке так и осталось неизвестным. К тому же эта фраза в стихе относится к пребыванию здесь казаков в **теплое** время года: «*А весной, как скоро воды великие встают, тогда [казаки] до Чортомлыка оттуда убегают, либо до Базавлука: а пожитки свои и коней в Томаковке имеют, потому что там боя (?) не бывает*» (примерный перевод от автора статьи). Так что уважаемому Олийнику стоило бы обратить внимание на совсем другие места данного стихотворения – его начало и конец, где действительно приводятся какие-то не очень внятные и требующие дополнительной расшифровки данные о пребывании казаков в зимнее время. Вот только слова «зимовник» здесь нет вовсе...

¹⁷ Шевчук В. Погляд на козацький устрій у політичній ліриці XVII-XVIII ст. // Хроніка, 2000. - Вип. 23-24. - С.104

Miejsce v
Burhaná
kedy Tá-
rowie gi-
na

Kedy Ko-
zacy lecie
kedy zimie
mie mie-
skają

Zymnoté
kozákka.

Obozy Ko-
zacy zo-
wa kure-
niama.

Tam iuz mimo Perelop polmi Tatarskiemi/
Gdzie stony Limen biezy nurtami cichemi.
Kolo swe do Czarnego morza obrociła/
Tam wpadły wszystkie swoich tancow dokonczyła/
W toz morze w Czwierci mili / Dniepr y Limen spada/
Ale każda osobno swoim nurtem włada.

¶ A iesli chcemy wiedzieć kedy przebywają
Kozacy czasow pewnych y gdzie spoczywają:
W Szabelnikowey Wierce / lub na Zborowskiego
Polozeniu zimna / lub na Ruzynskiego.
Na wiosne zaś skoro wiece wody wielkie wstają/
Tedy do Czortomylka z tamtąd wcielają.
Albo do Bazawolka : a dobytki swoje /
Ktome w Tomakowce mają / so tam boie
Wiebywają / z tamtąd zaś gdy robactwo wstaje/
Wstepują na Lato w swe zwyczajne kraie
Do Choreyce / na stala wielka : a zaś skoro
Jesie przyszcie / natychmiast wstepują sporo
Do Czerwonych gor : y tak iak miejsca swe znają/
Tak sie też na nie / czasow pewnych przenoszą.
Zyrnosć ich Salamacha / y orzechy wodne/
Ktynu zwierz rozmaity / Ryby wielopłodne/
Od których iako wieprze / w swych obozich tyją/
Bo y zime / y lecie / nad wodami żyją.
W tych tedy wrocyszczach przebywał foremnych/
Zimtorowski Kozaki w fortunach odmiennych.

ROZDZIAŁ V.

W którym sie opisuje / iako Kozacy Dań kro-
ta od Wielkiego Knięcia Moskiewskiego Tur-
kowi / y Czarowi Tatarskiemu więzono; odbili /
y gdy sie nazad wracali / Tatarzy ich napadli / y
skarby

ДЕ КОЗАКИ ВЛІТКУ,
А ДЕ ВЗИМКУ МЕШКАЮТЬ

Коли ж ми хочем знати, куди прибуває
Козацтво в різночася і де спочиває
В Шабельниковій Вітці, в Зборонського стані.
Зимують там, бува, й до Ружинського звани.
На весну, коли тільки вода розіллється,
Тоді до Чортомлика дорога в них в'ється.

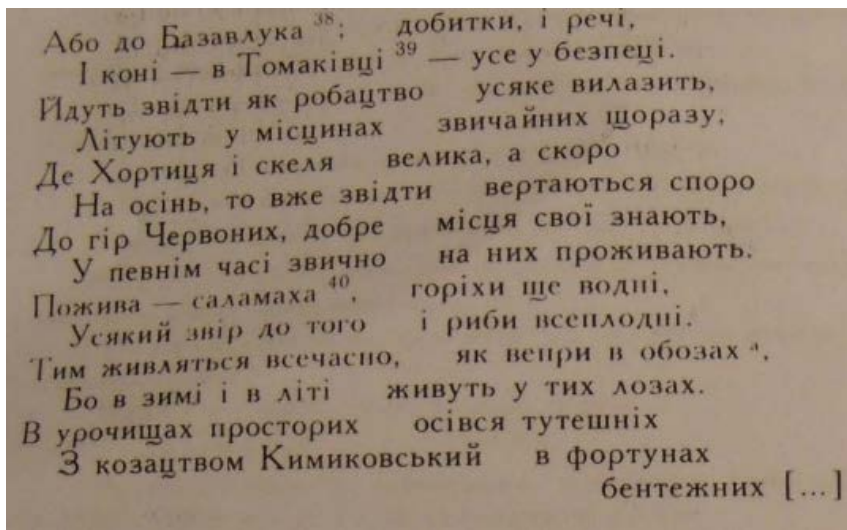

Рис.3. А) Стихотворение М.Пашковского о летнем и зимнем проживании казаков (издание 1615 года); Б) его перевод В.Шевчуком.

Пятое свидетельство.

«Є певні відомості, що зимівники розташовувались і за межами південних кордонів Запорозьких Вольностей, власне на території татарських володінь. І цей процес зовнішньої колонізації розпочався досить давно. Відомий мандрівник другої половини XVII століття Евлія Челебі у своїх подорожніх нотатках, при описі штурму козаками Очакова, згадував зимівник, що знаходився за фортецею Хасан-Паша. З подальшого опису подій видно, що цей зимівник, крім суто господарського призначення, напевне виконував і роль торговельної факторії. Тут займалися бджолярством, садівництвом, мали худобу та млин»¹⁸.

(Ссылка на: Евлія Челебі. Книга подорожі. Північне Причорномор'я. – Одеса, 1997.- с.41)

То, что во времена Новой Сечи (в мирные годы) часть запорожских зимовников располагалась на чисто татарской территории, рядом с кошами кочевников – чистая правда. Автор статьи и сам такие документы видел, и немало. А вот насчет описания запорожского зимовника под Очаковым у Челеби... Эти данные взяты из рассказа данного турецкого путешественника об осаде в 1657 или 1658 году украинскими казаками Очакова. Вот то место из одесского издания, на которое ссылается Олійник:

«<...> Зразу ж кяфіри на чотирьох човнах, зв'язаних до купи, пробрались в **зимівник** [виделение автора статьи - LV], що знаходився за фортецею Хасан-паша, де, за допомогою возів стягнули з човнів вісім англійських залізних гармат, потягнули їх волоком та доставили в зовнішні посади Очакова. <...>»¹⁹

Попробуем выяснить, что же это за «зимовник» упомянут в данном отрывке и кому он принадлежал. Данное одесское издание, как явствует из выходных данных книги, является не свежим авторским переводом непосредственно с языка оригинала, а переводом с русского языка на украинский. К сожалению, сведения о том, с какого именно русскоязычного издания был произведен этот перевод – в данной книге не приводятся.

¹⁸ Олійник, с.119

¹⁹ Евлія Челебі. Книга подорожі. Північне Причорномор'я. – Одеса, 1997.- с.41

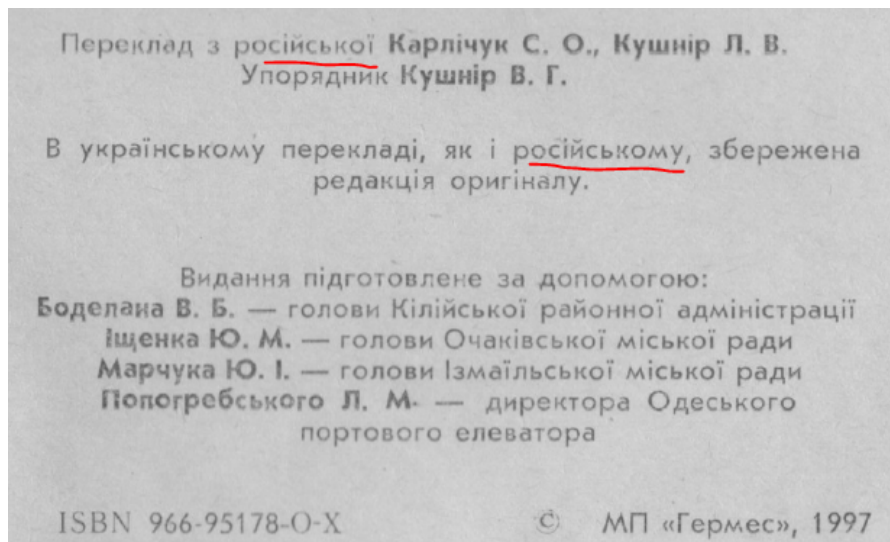

Рис.4. Фрагмент оборота титульного листа одеського издания Челеби 1997 года

А теперь приведем более обширный фрагмент этого же сообщения из русскоязычного издания 1961 года:

«<...> Тотчас же кяфиры на четырех лодках, связанных воедино, проникли в зимовье [выделение автора статьи - LV], находящееся позади крепости Хасан-паша, с помощью повозок стащили с лодок восемь английских железных пушек, потянули их волоком и доставили во внешние посады Очакова. [Здесь] они выкатили несколько бочек с медом и фруктовым напитком и [продолжали] двигаться, волоча свои пушки. Затем они впрягли в пушки находившийся в посадах рабочий скот и лошадей с конной мельницы. [Потом] зажгли посады, а сами с пушками и бочками прибыли в окопы под крепостью. В это время из крепости снова понеслись крики «Аллах! Аллах!» и на них (кяфиров) обрушился такой ливень свинца и пушечных ядер, что несколько сот кяфиров было разорвано [в ключья].

Однако те перепились захваченными в посадах вином, бузой и водкой и, обезумев, в опьянении и ярости снова ринулись на крепость, спустились в окопы, потом стали карабкаться на крепостные стены. Тотчас же наши борцы за веру начали поливать их нефтью, смолой и кипятком, швыряя в них бомбы [в виде] горшков и ручные бомбы и отогнали их прочь от крепости.

Тогда кяфиры, у которых были их свинские пушки, спешно наполнили в своих окопах землей вышеупомянутые бочки из-под меда и фруктового напитка; этими бочками они прикрыли и защитили снятые с кораблей восемь пушек и открыли из них огонь. Но что могут сделать крепости Очаков такие пушки!.. Когда кяфиры стали в окопах продвигаться вперед, по ним так ударили [наши] исполнские пушки бал-емез, что у этих простаков не осталось ни бочек из-под меда (Здесь игра слов: бал означает "мед", название пушек бал-емез буквально означает "меду не ест"), ни их английских пушек».

То есть здесь авторы «одесского» перевода без всякой задней мысли (попыток исказить Историю в данном случае **нет!**) заменили русское слово «зимовье» на близкий к нему украинский синоним «зимовник». Особой погрешностью это не является, но, к сожалению, данное место нечаянно ввело в заблуждение уважаемого Олейника в его настойчивых поисках запорожских зимовников. Реально же здесь речь шла о том, что более-менее состоятельные очаковские ногайцы имели возле Очаковской крепости собственные жилища, в которых могли зимовать с относительным комфортом, пока их пастухи со стадами мерзли где-то на побережье Черного моря. И все эти тягловые животные, которых казаки использовали для подтаскивания своих пушек, и бочки из-под меда и «фруктовых напитков», которые они пытались применить для создания защитных баррикад при батарее – это все было захвачено тут же, в покинутых ногайских жилищах. Сравните это с тем, что писал уважаемый Олейник об этом «запорожском зимовнике», который «кроме чисто хозяйственного назначения, вероятно исполнял и роль торговой фактории; тут занимались пчеловодством, садоводством, имели скот и мельницу». Ну да... Кроме этого, не упоминается никакое запорожское присутствие и в предыдущих главах, где Челеби чрезвычайно дотошно описывает город и укрепления Очакова. Никакого отношения к интересующей нас теме данное описание НЕ ИМЕЕТ.

Шестое свидетельство.

«Пряме повідомлення більш раннього періоду про оборонне значення зимівників належить Георгію Кониському: «Сірко, укріпивши свої зимівники на островах біля Січі, тримався нейтрально і очікував, як закінчатся зазіхання

турецькі і війни їх з Росією та Цісарем». На жаль, нам не відомо, як саме були укріплені ці зимовники. Проте зрозуміло, що вони створювали окрему лінію оборони самої Січі».²⁰

Ссылка на: Георгій Кониський. Історія Русів. – К., 1978.-с.233

Знаменитая «История Русов» – это анонимный исторический трактат, написанный то ли во второй половине XVIII, то ли в начале XIX века. Григорий Конисский – лишь один из наиболее вероятных претендентов на авторство. Этот труд сильно повлиял как на становление украинофильства, так и на литературные произведения многих писателей и поэтов той эпохи, включая и Пушкина с Шевченко. Невзирая на столь большие заслуги, эта работа не раз становилась объектом критических разборов. В ней находили множество натяжек и значительных искажений фактов. Большая часть источников для данной работы нам не известна, поэтому проверке не подлежит. Как писал на склоне своих лет Н.И.Костомаров (в молодости сильно увлекавшийся этим сочинением): «Мне значительно повредило доверие, оказанное таким мутным источникам, как «История русов».

Достаточно интересную и ценную информацию «Истории Русов» в некоторых случаях все-таки можно пытаться использовать, но только при условии перекрестной проверки другими документами. Что же касается упоминаний в «Истории Русов» зимовников, то цитируемый Олейником фрагмент относится примерно к 1680 г. (Часть II, глава 5). Еще два упоминания зимовников в «Истории Русов» относятся к 1640-м годам (Часть I, гл.4, 5) и одно – к концу 1760-х гг. (Часть III, гл.5). То есть, наш аноним описывал события XVII века через 100-150 лет после того, как они произошли. И взял ли он эти фрагменты из более ранних документов, или же пытался описать старину своими словами и так, как это сам представлял – мы не знаем. По XVII веку это источник ненадежный.

Что же касается до «оборонного значення зимівників», усмотренного Олейником в сообщении «Истории Русов» о Сирко, то, как признает сам автор книги, это «**єдина згадка [выделение автора статьи - LV] про укріплення зимівників навколо Січі Іваном Сірком міститься лише в Історії Русів**»²¹. То есть, НИКОГДА не упоминает ни про укрепление зимовников Сирко, ни про фортификационные возможности любых других зимовников! Ну не знают современники событий ни про какие «укрепленные зимовники», что же ты с ними поделаешь?.. И вот из этих нескольких невнятных слов в «Истории Русов», написанных уже после окончания эпохи казатчины, уважаемый автор книги умудрился расписать целый раздел, посвященный «военно-стратегическим функциям зимовника». Где он раскрывает системы фортификации, маскировки, сигнализации и обороны как одиночных зимовников, так и целых «укрепрайонов» из них. При этом ни одной ссылки на такие описания оборонительных возможностей зимовников, составленные профессиональными военными XVII - XVIII века, хорошо знакомыми с темой долговременной и полевой фортификации того времени, автор привести не смог. Зато он с полным доверием использовал записки местных краеведов-романтиков XIX века, которые тогда фонтанировали огромным количеством идей по поводу славного запорожского времени, в том числе и довольно странных и спорных. Возможно, их предположения тоже стоило подвергнуть критической проверке?

Для примера. На с.100-101 книги Олейника приводится фрагмент описания пяти укреплений вокруг города Александрии (на Ингульце) авторства Н.Бублиева (1889 год), который предполагал их назначением оборону запорожских зимовников. Но даже просто при прочтении текста бросается в глаза весьма необычная деталь в виде параллельных длинных дугообразных насыпей, расположенных рядом со входами в эти «шанцы», что уже должно насторожить внимательного Читателя, так как это характерно для определенного типа неких памятников. А если обратиться к оригиналу этой статьи в ЗООИД²², то в ней на с.827 имеется подстраничный комментарий, что аналогичные «военные укрепления» имеются и в Екатеринославской губернии, что часть из них по распоряжению тамошнего губернатора А.Я. Фабра снята на план и что их изображение приводится в прилагаемых к данному тому таблицах XIX и XX. Первая из них содержит просто схему расположения таких объектов вдоль Днепра. А вот вторая, полностью подтверждающая наши подозрения, содержит схемы насыпей тринадцати так называемых «могил-майданов». Это довольно распространенный в Причерноморских степях тип памятника, представляющий собой курган (обычно с выбранным центром) и отходящими от него дугообразными параллельными насыпями-«усаами». Историки и археологи до сих пор не могут сойтись во мнении что это – остатки массовой добычи селитры в XVII-XVIII веках или следы неких культовых сооружений древности? Но к фортификационной теме они точно не относятся...

Большое количество информации о таких объектах (в том числе и Александрийского района) имеется на специализированном сайте «Майданы» <https://mound.io.ua/>

²⁰ Олейник, с.100

²¹ Там же, с.30

²² ЗООИД, 1889, с.826-829

Рис.5. Фрагмент таблицы с изображениями «могил-майданов» из Приднепровья (ЗООИД)

Седьмое свидетельство.

«<...> Князь Мишецький повідомляє навіть про заколот і протистояння *homo economicus* проти *homo militaris* за часів Олешковської Січі (1710-1734), адміністрація якої зимівчан підданими у себе мала й образи і насильства їм чинила. Тому ті й переселилися в Кам`янку. <...>»²³

Ссылка на: Мышецкий С.И. История о казаках запорожских ... – Москва, 1847. – с.11

Князь Семен Иванович Мышецкий, инженер-поручик, находился в Запорожской Сечи с 1736 по 1740 г. Возводил там фортификации. Оставил крайне интересные и ценные заметки (или, по мнению уважаемого Олейника, шпионский отчет²⁴) о запорожцах его времени и их истории. В своей «Истории...» Мышецкий неоднократно использует слово «зимовник», в том числе применительно ко времени пребывания запорожцев под Крымским ханством.

Издание 1847 г. автору статьи достать также не удалось, но судя по изданию 1852 г. таких выражений как «*homo economicus*» (люди хозяйственные?) и «*homo militaris*» (люди воинственные?) в тексте нет, видимо это уже творчество автора книги. Да и переселение на Каменку по Мышецкому предприняли не самарцы-«зимовчане», а именно алешковцы-сечевики... Вот как выглядит упоминаемый сюжет непосредственно у Мышецкого:

«А как Запорожские Казаки, под командою Хана Крымскаго ходили в Черкесы в нескольких тысячах, то Запорожские Казаки-ж, которые живут при реке Самаре, собравшись во многой силе, и пошли военною рукою на Запорожскую Сечу, в урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вешали, и потом оную всю выжгли; и за то они то чинили, что Запорожцы подданными у себя имели, и многи им насильства и обиды чинили.

И как Кошевой, с Запорожскими Казаками, из Черкес возвратился, и увидел разорение своей Сечи собрал всех Запорожских Казаков, и переселился из того урочища Олешек, в старую Сечу, Каменку, о которой выше сего во многих пунктах упомянуто; и по том умыслил с своими Казаками, чтобы обиду свою живущим Казакам при реке Самаре отомстить, и собрався с великими силами, и пришед на их поселение и зимовники, с великою яростию на них напал, и многия их жилища разорил и множество Казаков порубил и вешал, и другими тиранскими муками мучил»²⁵.

Мышецкий это сообщение не датирует. Об этих же событиях (только изменив объект атаки с Алешковской на Каменскую Сечь) писал и Ригельман:

«Из сего ж роду Козаков, кои в прежние времена, от бывшего безпутного польского правления отшатившись, под крымское ж владение отдался, жили немалым числом, при реке Самаре, а во время с Россиею войны, в Крыму и близ оной, а по замирении паки по Самаре, оных присвоивали сечевские, так как бы живущих на их землях и налогами своими притесняли их безмерно, налагая на них разные тяглы, как бы на подчиненных своих, делали при том некоторые им обиды и насильства, что с немалою прискорбностью сносить принуждены были и до того времени терпели, доколе сечевским козакам с крымским ханом в множественном числе случилось быть в походе противу черкес. Тогда собрались немалым числом самарские, вдруг на Сечу их напали и кош их весь разграбили,

²³ Олейник, с.149

²⁴ Там же, с.31

²⁵ С. Мышецкий. История о козаках запорожских, как оные издревле зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. — Одесса, 1852, с.23-24

выжгли и разорили, людей оставших побили, и разные казни, во отомщение своей обиды, им учинили. Но как запорожцы из походу возвратились и нашли Сечу свою разоренную, кошевой собрал остаток разоренных людей своих, переселился того для от Алешек паки к речке Каменке и, по устройнии там коша своего, пошел с силою на Козаков сарматских, разорил их селения, людей, сколько найти мог, побил, имение побрал и возвратился в Сечь»²⁶.

Как там точно было дело - мы «копать» уже глубже не будем. По некоторым современным данным – повторное разорение Сечи было выполнено отрядом, посланным гетманом Скоропадским и генералом Бутурлиным. Вероятно, в этом карательном походе и сарматцы участвовали. По поводу же ответного нападения запорожцев – вероятно это имеются в виду совместные нападения запорожцев с татарами на украинские области по обе стороны Днепра в 1711 г. Эти события подробно описаны Яворницким в гл.17-й 3-го тома его «Истории запорожских казаков». То есть, приведенное у Мышецкого сообщение (вместе с упоминанием зимовников) датируется ориентировочно 1709-1711 гг. Но оно тоже записано через три десятилетия после описываемых событий...

Ну, и на этом, как бы, все! Перечень выявленных в книге Олийныка сведений источников с упоминаниями зимовников в период до 1734 года полностью исчерпан. Если кто-нибудь из уважаемых Читателей сообщит автору статьи о незамеченных им дополнительных источниках в этой книге – то они с благодарностью будут также добавлены к данной статье. Но это вряд ли будет очень просто, так как автор статьи дважды весьма внимательно перечитывал эту книгу в их поисках...

Что же мы имеем в сухом остатке? Получается, что в промежуток между временами Лянцкоронского (начало XVI в.) и началом Новой Сечи (1734 год) уважаемый автор нашел всего 7 (семь!) источников, причем это если считать вместе с самим УБХ, который мы как раз этим и хотели изначально проверить. Только семь источников на двести лет истории и на две с половиной сотни страниц своей книги... Причем из этих семи источников один вообще никак к запорожским зимовникам не относятся (Челеби), еще три относятся к казакам, но не содержат вовсе слова «зимовник» (Бельский, Ляссота, Пашковский), еще два (УБХ, История Русов) – имеют разную степень сомнительности и подозрения на фальсифицированность. Единственное светлое пятно – это данные Мышецкого, но и они написаны через три десятилетия после описываемых событий, поэтому тоже могут иметь некоторое количество анахронизмов. А ни одного **синхронного** документа с использованием слова «зимовник» по отношению к запорожским хуторам по периоду до 1734 года автор привести не смог! И это при том, что из документов о начале Новой Сечи четко видно, что запорожцы вернулись в российское подданство с **уже** полностью сформировавшимся и устоявшимся зимовником как одной из основных хозяйственных единиц своего хозяйства. То есть формирование и такого вида хозяйств, и соответствующего слова для его обозначения произошло задолго до 1734 года. А вот в Крымский ли период запорожцев это произошло или еще до него – это уже надо отслеживать по реальным документам, чего, к сожалению, в данной книге сделать не удалось.

Но может быть здесь проблема в другом – в недостаточной квалификации автора книги? Или, быть может, эта тема и эта книга создавалась в большой спешке? Да тоже, как бы, нет. Автор книги А.Л.Олийнык – человек, далеко не чужой госпоже Истории, член Запорожского научного общества имени Новицкого. Историк по образованию (еще советскому), после института успел поработать в Запорожском краеведческом музее и с подводными археологами, преподавал историю в школе. И только с конца 90-х годов ему пришлось резко изменить свою стезю в сторону менеджмента и управления (где он также достиг немалых успехов). Но и при этом он не прекращал своих занятий историей. Так, с конца 2007 по май 2008 года он работал по совместительству на кафедре ЗНУ (кафедра источниковедения, историографии и специальных исторических дисциплин) и преподавал дисциплины «Методы історичних досліджень» и «Джерелознавство» (!). А темой запорожских зимовников он начал активно заниматься еще с начала 1990-х годов. И к моменту выхода в 2005 году рассмотренной выше книги у него было уже опубликовано не менее дюжины статей и одна монография по зимовникам. А в 2008 году он по этой теме защитил кандидатскую диссертацию²⁷... То есть, человек это достаточно серьезный и грамотный, и время на подготовку у него было достаточно. Поэтому к факту обнаружения (или не обнаружения) уважаемым автором книги документальных подтверждений его теории о генезисе запорожских зимовников мы обязаны относиться максимально серьезно. Так что мы уже с большой долей уверенности можем наконец ответить на сформулированный в начале статьи вопрос.

Итак, если (по данным УБХ) **впервые** слово «зимовник» применительно к казацким хуторам фиксируется в начале XVI века, причем оно якобы уже тогда было «вполне привычным и не требующим дополнительных пояснений», то **во ВТОРОЙ раз оно прозвучит не ранее, чем через век – полтора**. Ни Лянцкоронский, ни Баторий это слово (в таком специфическом значении) не поняли бы. Для их эпохи

²⁶ Ригельман О. І. Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі / Вст. ст., упор. та примітки П. М. Саса, В. О.Щербака. — К.: Либідь, 1994, с.639-640

²⁷ Наукова школа професора А.В. Бойка: персоналії та доробок / Упорядники: Ігор Лиман, Вікторія Константінова. – Запоріжжя, 2011 <https://refdb.ru/look/3770425-pall.html>

такое использование данного слова является **анахронизмом, позднейшей вставкой**. Со всеми вытекающими из этого вывода последствиями для того самого Универсала Батория / Хмельницкого, про степень надежности которого до сих пор спорят историки...

В завершение можно отметить, что в данной книге имеется и еще много чудесных моментов, доставивших автору статьи массу положительных эмоций. Например, о том, что время существования Новой Сечи (напомним, это 1734 – 1775 год) – это период **почти постоянных** военных кампаний против Турции и Крыма (с.28). Что известный своим сочинением «О казаках запорожских...» князь Семен Мышецкий принимал участие в размежевании земель от Османской Порты с 1736 по 1740 год (с.31). И что отсутствие в работе Мышецкого упоминаний о земледелии у запорожцев можно пояснить *«лише тим, що розмежовував він південні кордони з Портою, де землеробство на той час ще не біло так розвинене, як у північних і центральних володіннях Запорозьких Вольностей. Запорозці в цей час тільки-но повернулися під юрисдикцію Росії і не встигли за ці шість років як слід обжитися»* (там же). Видимо, военные действия русско-турецкой войны 1736-1739 гг. ни Мышецкому в его размежевании границы с Турцией, ни запорожцам в их обустройстве на новом месте никак не мешали?.. Или еще: что *«так зване розмежування»* (надо полагать Генеральное, т.к. далее автор упоминает *«межові плани-описи та схематичні зображення меж земельних володінь»*) происходило «на замовлення військового відомства Росії <...> і були результатом розвідувальної діяльності при підготовці чергової військової кампанії» (с.34). Что Муравский шлях пересекал реку Конку (с.115). Что Петр I был дедом «второй великой реформаторши России» Екатерины II (с.168). Что запорожские экономисты (?) «безсумнівно» были знакомы со свежими экономическими теориями Европы, но не копировали их, а создавали собственную модель (с.176). Что запорожцы почти 300 лет безраздельно господствовали на Черном море (с.223). И еще много аналогичных по качеству заявлений... Такие вещи, наверное, не слишком смутили кураторов из Канадского института украинских исследований Альбертского университета, спонсировавших издание данной книги по «Программе исследования восточной Украины им. Ковальских». Но если такая не слишком высокая разборчивость простительна для наших заокеанских «друзей», давно оторванных от Украины, то мы-то сами собственную историю, по идее, должны все-таки получше знать? В общем, в рассматриваемой книге неточностей и откровенного абсурда имеется еще довольно много, но полный ее разбор не входит в задачи данной статьи.

Тем не менее (незвизая на озвученную выше критику), книга Олейника не производит совсем уж удручающего впечатления, особенно по периоду Новой Сечи, где имеется богатый документальный материал по теме исследования. Хватает в ней и интересных наблюдений, и верных выводов. Просто автору книги не повезло в том, что у него не было компетентного и занудного рецензента, который бил бы его линейкой по рукам при каждом излишнем «полете мысли», не давал бы неразборчиво тащить в книгу любую информацию, лишь бы в ней присутствовало слово «зимовник», и заставлял бы тщательно докапываться до первоисточников и производить их критический анализ перед применением. Правда, тогда книга, скорей всего, получилась значительно короче, а нескольких глав в ней точно не было бы целиком. Зато она была бы гораздо ближе к реальности и не так легко могла бы стать мишенью для критиков. Наверное...

Ну а пока мы видим, что авторская гипотеза о том, что запорожские зимовники происходят напрямую от зимних станов-кошей приднепровских рыбаков и охотников XV века, по всей видимости, является мертворожденной. Автор книги так и не смог доказать переход кошей в зимовники и документально заполнить хронологический разрыв по XVI и XVII векам. А работоспособность рабочей гипотезы как раз тем и проверяется, насколько легко и удачно она подтверждается массовыми документами. Возможно, автору книги стоило больше внимания уделить казацким хуторам на южном польском пограничье, которые неизбежно должны были распространиться и в Степь при снижении общего уровня «татароопасности» в более позднюю эпоху? Или обратить внимание на Крымский период, когда у запорожцев полностью исчезла возможность уходить на зиму в города и села Малороссии? Тогда, вероятно, можно было бы копнуть глубже и подмеченное автором использование запорожцами слова «кишло» в значении жилища²⁸. Например, выяснить, из какого языка оно произошло, как с него переводится и что означало в оригинале (подсказка: со словом «кош», от которого и произошли слова «кочевать, кочевники» оно не однокоренное!). Тут автора книги ожидает еще много сюрпризов... ☺ Так что искренне пожелаем ему успехов на его тернистом пути!

Ну а нашим, мариупольским краеведам, хочется порекомендовать одно. Когда в следующий раз увидите чье-то уверенное заявление о том, что на месте Мариуполя уже в начале XVI века (а то и в конце XV) существовал запорожский зимовник (вариант - укрепленный зимовник) с названием Домаха – вспомните про итоговый результат попыток Олейника обнаружить казацкие зимовники в эту эпоху. И сделайте соответствующий вывод...

Мира Всем!

²⁸ Олійник, с.40